Адмирал Ушаков на фоне эпох

В 2025 году отмечается 280-летие со дня рождения легендарного флотоводца, адмирала Федора Ушакова, ставшего символом славы и победоносных традиций российского флота.

Вячеслав Давыдов. Фото из архива

Хотелось бы присоединиться к анализу наследства адмирала, но, не будучи специалистом в области стратегии и тактики флота, не хочу смущать читателей своими дилетантскими изысками. Поэтому предлагаю проанализировать трактовку образа Ушакова историческим и медийным сообществом.

Итак, как и всякий великий человек, адмирал Ушаков, с одной стороны, стал удобен для формирования культа героя, с другой – стал мишенью для различных «ниспровергателей». Обе крайности присутствуют в нашей исторической литературе.

Под пером одних авторов – назовем их «апологетами» – адмирал приобретает черты исполинской фигуры, гения, пришедшего в российский флот из ниоткуда и преобразовавшего его, основателя школы русского военно-морского искусства, организатора Черноморского флота, деятеля государственного уровня и т.д.

Согласно апологетам, боевой опыт русского флота до Ф.Ф. Ушакова был незначительным и несамостоятельным. Первое самостоятельное сражение адмирала у о. Фидониси 3 июля 1788 года провозглашается первым сражением русского флота в открытом море. Будто бы не было ни Эзеля в 1719 году, ни Хиосского пролива в 1770-м.

Критики ограничивают роль адмирала простым добросовестным исполнением приказов князя Потемкина и предписаний Черноморского адмиралтейского правления, отказывая ему во всяком самостоятельном вкладе в строительство Черноморского флота. Да что уж говорить – даже в праве на перемещение матросов с корабля на корабль. Они отводят флотоводцу роль выдающегося тактика-новатора, лишь выполняющего стратегические предначертания высшего руководства.

Действительно, командующий корабельной эскадрой не имел распорядительных полномочий по формированию штатов флота, кораблестроительных программ, выделению средств и т.д. В 1790–1791 годах действиями адмирала напрямую руководил Григорий Потемкин. Опубликовано много документов, содержащих «ордеры» (приказы) светлейшего князя командующему корабельным флотом, которые явственно свидетельствуют о соотношении их статусов.

Так что же, критики правы и Ушаков не мог внести никакого вклада в строительство Черноморского флота и планирование операций? На самом деле все обстоит не совсем так, а в некоторых случаях – совсем не так.

Тем, кто не имел и не имеет отношения к военной службе, нелегко понять принципы работы военного механизма, те неформальные пружины, которые приводят его в движение.

Безусловно, на военной службе начальник отдает приказы, но отдает он их после анализа обстановки, которую докладывают ему подчиненные.

Плохой начальник действует на основании осознания своей исключительности и собственного каприза, игнорируя все и вся. Да и подчиненные делятся на типы: одни делают «чего прикажете», строя свою карьеру, другие проявляют инициативу и болеют за дело, третьим вообще все безразлично.

Никто не возьмется отрицать наличие у Потемкина управленческой гениальности. Ушакову он полностью доверял, оценив его уровень понимания задач флота в войне и качества организатора. Со своей стороны адмирал старался оправдать доверие, проявлял инициативу и ответственность, болея за порученное ему дело, постоянно вносил предложения, в том числе затрагивающие вопросы за пределами его формальной компетенции.

Примеров эффективного взаимодействия Ушакова с Потемкиным во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов можно привести достаточно. Адмирал постоянно проявляет инициативу, запрашивает у светлейшего князя разрешения выйти в море для атаки противника, встречая полное понимание и поддержку.

Критики, ограничивая сферу боевой деятельности Ушакова тактическим умением, осознанно избегают оценивать уровень его оперативного искусства. Но в то время, да и позже, именно оперативный уровень был пределом почти для любого флагмана во всем мире. Тот же лорд Нельсон, авторитет которого незыблем для всего англоязычного мира, да и среди отечественных англофилов, не определял вопросы стратегии, не формировал военно-морскую политику Великобритании, не разрабатывал штаты флота.

Если же говорить об оперативном искусстве Федора Ушакова, то следует признать его безукоризненным. Так, в ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он, получив в самостоятельное командование корабельный Черноморский флот, провел серию операций, нацеленных на пресечение присутствия турецкого флота в Черном море. В актив нашего адмирала следует записать и прикрытие с моря действий русской гребной флотилии на Дунае в период непосредственного продвижения русской армии к Измаилу и штурма крепости. В результате активных действий Ушакова в той войне был сорван замысел турецкого десанта в Крым, а победа ушаковской эскадры над турецким флотом под Калиакрией 31 июля 1791 года заставила султана согласиться на переговоры с Россией.

Столь же заметны операции Ушакова в Средиземном море в 1798–1799 годах, нацеленные на полное вытеснение французов из зоны ответственности и на обеспечение действий сухопутной армии Суворова. При этом Потемкина над ним уже не было. В то время флотоводцу пришлось самостоятельно планировать действия российских морских сил на театре военных действий, организовывать оперативную базу на отнятых у противника территориях, принимать решения по политическим вопросам: налаживать взаимодействие с турками, англичанами, греками, организовывать государственность на островах.

Критики скажут: проявлять инициативу в боевых действиях есть долг каждого командира. А вот-де в организационные вопросы общефлотского уровня Ушаков не имел права вмешиваться и не вмешивался. При этом организация боевой подготовки личного состава, вклад в которую адмирала неоспорим, критиками из сферы вопросов общефлотского уровня почему-то исключается.

Действительно, Ушаков не мог приказывать Черноморскому адмиралтейскому правлению, но его полномочий вполне хватало для приказа о зачислении во флот трофейных кораблей. Не имея прав планировать кораблестроительные программы, он тем не менее в феврале 1791 года знакомился с ходом строительства кораблей и отливкой орудий в Николаеве и Херсоне. Если считать, что у адмирала не было полномочий перемещать личный состав, то как понимать его указания о выделении людей на строящиеся корабли или отказы отсылать личный состав в различные командировки?

Объективности ради нужно отметить, что единоличных полномочий снимать с должности командиров кораблей у командующего корабельным флотом, похоже, действительно не было. Иначе он не ходатайствовал бы, к примеру, перед Потемкиным о принятии мер в отношении Д.Н. Сенявина, а перед Черноморским адмиралтейским правлением – о снятии с должности брандвахтенного командира в Керчи за всевозможные злоупотребления.

Командуя флотом в мирные 1792–1796 годы, Ушаков активно участвовал в строительстве флота и его главной базы – Севастополя. Вклад адмирала был вынужден признать и его недоброжелатель Н.С. Мордвинов, после смерти Потемкина занявший пост председателя Черноморского адмиралтейского правления. В докладе на имя Екатерины II он отметил: *«Г. контр-адмирал Ушаков, коль скоро освободился от военных трудов, обратил свое усердие к построению жилищ и к сооружению госпиталя»*. Опубликованы приказы по строительной части, по медико-санитарной части, по благоустройству и даже по противодиверсионной защите Севастополя, не говоря уже об обязательной переписке по ремонту кораблей, обеспечению провиантом, личным составом, боевой подготовке и т.д.

Спорят апологеты и критики и о значении наследия Ушакова. Так, одни говорят о важности его использования в современном строительстве Вооруженных сил РФ. Другие заявляют о недопустимости проецирования задач, решаемых российским флотом в эпоху Екатерины II и Павла I, на современные реалии, ограничивая роль наследия адмирала воспитанием юношества на славных боевых примерах прошлого.

Не берусь вмешиваться в этот спор. Конечно, изменился флот, в первую очередь, за счет техники. Изменились и концепции его применения. Но вот в доктринальной работе главкома ВМФ СССР С.Г. Горшкова «Морская мощь государства» сформулированы положения о ведущем значении борьбы флота против берега и о совместном решении военно-стратегических задач армией и флотом. Положения эти базируются на опыте действий российского флота, в том числе и на опыте Ф.Ф. Ушакова.

Техника флота изменилась. Но люди, ею управляющие, меняются значительно медленней. Те качества, которые отличали Ф.Ф. Ушакова как победоносного флотоводца – решительность, инициативность и активность, способность к самостоятельному принятию решений, внимание к нуждам личного состава, организация боевой подготовки, – остаются важным условием достижения успеха в боевых действиях флота. И в этом наследие адмирала имеет непреходящее значение для флота сегодняшнего и флота завтрашнего.

Но как использовать это наследие, как воспитать новых Ушаковых? Почему уроженец Ярославской земли смог достичь высот в военно-морском искусстве и реализовать свой потенциал? Не умаляя природных дарований Федора Федоровича, выскажу мнение, что он смог состояться благодаря трем важным факторам.

Первый: Ушаков оказался востребован временем. Россия решала стратегическую задачу закрепления за собой Черного моря, что было невозможно без участия флота, причем участия активного и наступательного. Для этого нужны были люди совершенно специфических качеств, а отнюдь не «умеренные и аккуратные» Молчалины.

Второй: оценка по достоинству, признание верховной властью, упорно и последовательно реализовывавшей стратегическую задачу, роли и места флота в ее решении. Ведь с кабинетной точки зрения задачу овладения Черным морем можно было бы решить и армией: разбить турок в полевых сражениях, захватить приморские крепости и выйти к Стамбулу. Правда, опыт показывает безуспешность или гораздо более высокую затратность сухопутного способа.

Третий: наличие администратора, способного оценить помощников не по степени личной преданности и правильным отчетам, но по деловым качествам, выдвинуть их, поддержать, предоставить свободу реализации инициативы, помочь раскрыть талант и защитить от недоброжелателей, коих найдется в избытке. Таким администратором в случае с Ушаковым был Г.А. Потемкин.

Мог ведь Федор Федорович погибнуть в бою или в результате несчастного случая до того, как реализовал весь свой потенциал? Ведь морская стихия коварна. Но были бы в результате сорваны стратегические планы России на Черном море. При Г.А. Потемкине – навряд ли. Он мог выдвинуть, например, своего любимца Сенявина, который, без сомнения, оказался бы к месту. В запасе были и де Рибас, и Пустошкин. Список этот можно продолжать и далее. А вот смерть Потемкина полностью смешала карты…

О главном уроке истории жизни Ф.Ф. Ушакова можно сказать кратко: для того чтобы талант морского офицера раскрылся, необходимо, чтобы на государственном уровне присутствовала твердая политическая линия, имело место ясное осознание роли и места флота в обеспечении интересов государства в мирное и военное время, а военные руководители, кроме того, были способны выдвигать офицеров по их деловым качествам и помогать им раскрыться.

Адмирал Ушаков закончил свои дни в 1817 году, забытый флотским руководством, а затем и обществом. Восстановление памяти о его подвигах и заслугах началось в 50-е годы XIX века. В 1856 году вышла подробная биография адмирала, написанная Р.К. Скаловским, положившая начало прославлению заслуг флотоводца.

В этот период флот периодически оказывался под огнем критики за неуспешные действия в Крымскую войну, в русско-турецкую войну 1877–1878 гг., и в особенности – в русско-японскую. На фоне разочарования общества флотом востребованными оказались образы адмиралов-победителей, среди которых Федор Федорович Ушаков был, без сомнения, наиболее крупной фигурой. Говоря современным языком, у адмирала оказался наиболее значимый медийный потенциал. Участник 43 боев, победитель 5 сражений. Не потерял ни одного корабля. И к тому же – русский.

Образ Федора Ушакова оказался актуален и в советское время. Действительно: из очень мелких дворян, почти из народа (в детстве в лаптях хаживал, потом на медведя с рогатиной ходил). Решителен и инициативен. Не иностранец, не немец, полностью самобытен, сформировался без участия английской военно-морской школы и перед англичанами не преклонялся.

Эту особенность Федора Федоровича гиперболизировали не без причины. Со времен Екатерины II до 1917 года значительная часть российских морских офицеров воспринимала Королевский ВМФ с изрядной долей низкопоклонства, а при любом конфликте с англичанами вставала в позу кролика перед удавом. Такими настроениями мог заразиться и Рабоче-крестьянский красный флот, чего высшее военно-политическое руководство СССР допустить не могло. Отсюда – довольно активная антианглийская пропаганда в кинофильмах и книгах на морскую тематику 1930–50-х годов, в которой важное место заняло противопоставление Ушакова английским политикам и адмиралам.

В постсоветское время образ знаменитого флотоводца стал подаваться с новыми акцентами. Подчеркивая его православную религиозность, апологеты новой волны, видимо, хотят подвести аудиторию к мысли о том, что победы Ушакова стали возможны прежде всего из-за его веры в Бога. Но русская история знала многих глубоко религиозных генералов, которых побеждали супостаты. И можно ли с позиций христианского гуманизма связать святость со шпицрутенами и «кошками»? Подобными средствами внушения Ф.Ф. Ушаков отнюдь не пренебрегал. Подтверждений тому сохранилось в архивах преизрядно.

При этом я вовсе не хочу обвинить Ушакова в жестокости. Личный состав в то время был весьма далек от восприятия христианских добродетелей. Ситуация усугублялась в мирное время, а также при командировании матросов на различные береговые работы, когда они выпадали из жесткого судового распорядка и из-под контроля офицеров. Пьянство, драки и дебоши, воровство, азартная игра с проигрышем казенной амуниции, побеги со службы – с этим всем надо было что-то делать. Дисциплину приходилось поддерживать суровыми мерами, помимо экзекуций вводя и ответственность командиров за «художества» подчиненных.

Так кто же для меня прославленный флотоводец? Не святой, поскольку любой военный профессионал святым быть не может – им приходится много грешить. Совсем не одинокий гений, пришедший из ниоткуда и перевернувший военно-морской мир. Ушаков для меня – флотоводец, сформированный эпохой, начавшейся в России с Петра Великого, и призванный к решению задач, поставленных веком перед Россией. Решая эти задачи, он смог при поддержке высшего военного руководства на юге России реализовать свой талант, внеся личный вклад в развитие русской военно-морской школы. Когда было надо, он проявлял жесткость, при этом совмещал требовательность с заботой о личном составе.

Но, поскольку флот в России всегда был заложником политики, а военно-морская доктрина определяется уровнем понимания задач флота верховной властью, постольку и Ф.Ф. Ушаков, как и другие адмиралы, оказался зависим от расклада сил на российском политическом олимпе. Закончилась война – и он стал не нужен и даже вреден для лиц, определявших военно-морскую политику страны.

После же смерти Ушаков сделал для российского ВМФ ничуть не менее, чем при жизни. Его образ служил и служит делу воспитания у российского общества уважительного отношения к российскому флоту и гордости за него.

Анализ боевых действий адмирала важен для постижения принципов военно-морского искусства. Но наиболее важно сегодня изучение процесса становления Ушакова как флотоводца и организатора, постижение тех факторов, которые обеспечили процесс. Это наследство сохранит свою актуальность еще долго, ведь люди меняются значительно медленнее техники. ◆